

СООБЩЕНИЯ

Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII века

Т. Г. Снытко

В последней трети XVIII в. в России произошли большие социальные сдвиги. Именно к этому времени относится появление в господствующем сословии значительного слоя прогрессивно настроенного дворянства, той среды, которая, как говорил В. И. Ленин, выдвинула Радищева и декабристов — первое поколение, действовавшее в русской революции¹.

Феодалные верхи России, игравшие в либерализм в 1770—1780-х годах и считавшие религиозное вольномыслие вполне допустимым для себя, увидев, что либеральные идеи захватывают всё более широкие круги, а многие образованные люди уже пытаются делать практические выводы из этих идей, в 1790-х годах начали преследовать прогрессивных деятелей. Расправа с Радищевым, Кречетовым, Новиковым, запрещение частных типографий, введение цензуры и ряд других реакционных мероприятий конца царствования Екатерины II вызвали в среде либерального дворянства и интеллигенции не только оппозицию, но и стремление к активному отпору. Реакционная политика Павла I, введение им в армии так называемых гатчинских порядков и его необузданный произвол привели в лагерь сопротивления реакции ещё более широкие круги дворянства, наиболее передовых представителей. Однако организованные формы оно принимало лишь в редких случаях.

Примером может служить кружок смоленских вольнодумцев — «якобинцов», как назвал их впоследствии Ф. Линденер — председатель комиссии, расследовавшей деятельность кружка.

Организатором и руководителем кружка был довольно известный в русской армии полковник Александр Михайлович Каховский, происходивший из небогатых дворян Смоленской губернии. Отец Каховского служил в армии офицером и умер ещё молодым. Мать вскоре вторично вышла замуж за статского советника П. А. Ермолова. Происходила она из рода Давыдовых (сестра отца поэта-партизана Д. В. Давыдо-

ва). По отзывам современников, это была весьма умная, образованная и деятельная женщина, обладавшая острым языком. Это свойство унаследовали её сыновья: А. М. Каховский и А. П. Ермолов.

Долгое время А. М. Каховский занимал видное место при штабе А. В. Суворова. Ещё в 1789 г. Суворов наградил его Георгиевским крестом как отличившегося при штурме Очакова; в 1794 г., во время похода в Польшу, Каховский был уже в чине полковника и за штурм Праги (предместье Варшавы) был награждён вторым орденом. Каховский являлся одним из немногих офицеров, сохранивших надолго расположение Суворова. Великий полководец не любил самонадеянных и тупых «учёных стратегов», критически-снисходительно смотревших на его «чужачества»; молодой Каховский, имея, по свидетельству того же Линденера, «ум выше обыкновенного»² и «много приобретенного от воспитания»², не только верил в гений Суворова, но и понимал оригинальную тактику и своеобразие приказов фельдмаршала. В 1796 г. Каховский занимал должность обер-кригскомиссара в Инспекторской экспедиции Военной коллегии. В начале царствования Павла I он был отставлен от службы и в 1797—1798 гг. жил в своём смоленском имении.

Когда в 1799 г. Суворов отправился в Италию, Каховский был уже лишён чинов и дворянства и находился в заключении в Динамундской крепости. Для фельдмаршала, очевидно, было заметно отсутствие Каховского в штабе, и он просил Ф. В. Раstopчина исходатайствовать прощение Каховскому и прислать его в Италию, но Раstopчин ответил, что ходатайствовать за Каховского «еще рано»³.

Об отношениях между Каховским и Суворовым говорит один факт, вносящий кое-что новое и в биографию великого полководца. В 1789 г., во время следствия по делу

² Центральный государственный архив древних актов, фонд «Госархив» (в дальнейшем — ЦГАДА, ГА), разр. VII, № 3257, л. 303.

³ Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, фонд М. П. Погодина (в дальнейшем — РОБНЛ, ф. Пор.), 1, № 15/2, л. 20.

¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 14; т. 20, стр. 223; т. 21, стр. 85

смоленского кружка. член кружка капитан В. С. Кряжев показал, что ещё в 1796 г., при вступлении на престол Павла I, Каховский пытался уговорить Суворова не подчиняться новому императору и с войсками, находящимися под его командованием, идти на Петербург. Кряжев писал в своих показаниях: «...Еще однажды случилось мне слышать от полковника Каховского, что он при самом начале царствования государя имел план к перемене правления, состоящий именно в том: он хотел советовать графу Суворову рассеять в бывшей его дивизии ⁴ [слух], что государь хочет все по-прусски в России учредить и даже переменить закон. Сей бы самый пункт, по словам Каховского, взбунтовал войско. Графу бы Суворову тогда советовал он из важных преступников одного в войске, переодев в новый мундир, повесить вместо бы присланного к нему фельдъегеря, дабы через то войску показать свое отвращение от государевых учреждений и приобрести чрез то их привязанность, и тогда, явно восстав против государя, идти далее, вероятно к Петербургу, а на пути бы, конечно, все войска к нему пристали. Каховский же хотел ехать в Полтаву, где дядя его, Давыдов ⁵, стоял с легкоконным полком, и если б он с полком своим не пошел к Суворову, и сам бы принял полк и с ним пошел. Он считал, что в Киеве и в других городах на пути найдут довольно казенных денег, нужных к их предприятию. Но сего плану не мог открыть графу Суворову, не быв допущен к нему его адъютантами, которым он однажды о сем открыл» ⁶.

Заключительная часть показаний Кряжева вызывает сомнения. Во-первых, Каховский не стал бы излагать свой план адъютантам Суворова, и, во-вторых, не пустить Каховского к Суворову адъютанты не могли: к Суворову он имел доступ в любое время. Кряжев явно желал выгородить фельдмаршала. Это подтверждают «Расказы» брата Каховского, А. П. Ермолова. Он пишет: «...Однажды, говоря об императоре Павле, он (Каховский.— Т. С.) сказал Суворову... удивляюсь вам, граф, как вы, боготворимый войсками, имея такое влияние на умы русских, в то время как близ вас находится... (несколько слов не прочтено, очевидно, «столько войск».— Т. С.) соглашались повиноваться Павлу». Суворов подпрыгнул и перекрестил рот Каховского. «Молчи, молчи,— сказал он,— не могу. Кровь сограждан!» ⁷. Отсюда с полной очевидностью можно заключить, что Суворов не только был в курсе планов Каховского, но и сочувствовал им.

После отказа Суворова выступить против Павла Каховский не оставил своих намерений и начал действовать самостоятельно. Из офицеров воинских частей,

расположенных в Смоленской и смежных губерниях, он создал несколько тайных антиправительственных групп. Как были организованы эти группы, сейчас установить невозможно, ибо документы следствия по так называемому «дорогобужскому делу» были сожжены. Во всяком случае, из материалов следствия по «смоленскому делу», являющемуся его продолжением, можно видеть, что Каховскому удалось создать некоторое подобие тайной организации, имевшей ответвления в Дорогобуже, Смоленске и некоторых воинских частях. Местами собраний были село Котлин, в 15 верстах от Дорогобужа, принадлежавшее вдове полковника Розенберга Марии Ивановне, дом командира Петербургского драгунского полка Киндякова, дом Каховского ⁸ и имение Александра Михайловича Каховского — Смолянич, которое в кружке условно называлось «галерой».

Дом А. М. Каховского служил постоянным местопребыванием «канальского цеха», в котором было около десятка, а по некоторым показаниям, более десятка офицеров, исключённых из полков по повелению Павла I. В «канальский цех», представлявший ядро организации, входили и некоторые офицеры, состоявшие на службе. Бывало и так, что исключённого вновь восстанавливали на службе и он уходил с «галеры»; в таком случае другие члены организации наблюдали за его поведением и доносили Каховскому, следует ли продолжать считать его «своим». Так, В. С. Кряжев писал Каховскому: «Росляков... не изменяет нашему канальскому цеху...» ⁹. Члены организации вели вербовку новых членов, изучали настроения отдельных офицеров и доносили об этом Каховскому. Оказавшихся ненадёжными они характеризовали как «Бутовых слуг» («Бутовым» в кружке называли Павла I; эта кличка употреблялась в переписке весьма широким кругом лиц, связанных с членами кружка). Если же офицер выражал недовольство существующим порядком и готовность бороться с ним, он определялся как «не Бутов слуга».

Кружок Каховского имел и некоторую конспирацию: члены «канальского цеха» носили условные имена. По переписке, найденной во время следствия у Каховского, было установлено, что клички имели 10 человек. Свидетель же подлекарь А. Троеборский показал, что 14 офицеров из числа собиравшихся у Каховского «носили вымышленные имена» ¹⁰. Не все клички оказались расшифрованными; кроме того, выяснилось, что иногда одну кличку присваивали двум лицам. Например, «Росляковым» назывался и подполковник Тутолмин и майор Гагарин. Очевидно, законспирировав-

⁴ В то время дивизиями назывались военные округа.

⁵ Бригадир Василий Львович Давыдов в 1796 г. командовал Полтавским легкоконным полком.

⁶ ЦГАДА, ГА, разр. VII, № 3257, л. 199.

⁷ ЦГАДА, ф. Ермоловых, № 999, л. 7 об.

⁸ Алексей Васильевич Каховский — родственник А. М. Каховского, в 1796—1797 гг. занимал должность советника Смоленской казённой палаты. К допросам не привлекался, так как во время следствия служил вице-губернатором в Астрахани.

⁹ ЦГАДА, ГА, разр. VII, № 3257, л. 124 об.

¹⁰ Там же, л. 291.

шихся было человек 25—30. Это подтверждается перехваченным письмом Льва Киндякова к Владимиру Дехтерёву, в котором он сообщал, что главари кружка в Смоленске арестованы и посланы, но что к этому делу причастны ещё 25 человек. К этому выводу пришёл и председатель следственной комиссии Линденер. В донесении П. В. Лопухину от 24 ноября 1798 г. он писал: «Из открывшихся обстоятельств видно, что есть еще подобные (арестованным в Смоленской губернии.— Т. С.) в некоторых полках и губерниях, скрывающиеся под чужими именами»¹¹. Наконец, следует указать, что доноситель генерал-майор Шепелёв называл поименно 31 человека.

Никаких сведений о наличии в организации устава или особых условий приёма в следственных материалах нет. Повидимому, подобных документов в кружке вообще не было. Именно поэтому весьма трудно отличить членов организации от сочувствующих и просто связанных с членами кружка. Так, генерал Павел Белуха, статский советник Сергей Никольев, генерал Дмитрий Тараканов и другие были скомпрометированы в ходе следствия больше, чем некоторые члены «каналского цеха». Если к числу «галерников» добавить лиц, связанных с Каховским и его кружком, то можно насчитать больше сотни человек. Даже если считать членами организации только носивших клички, активно участвовавших в собраниях и репрессированных по этому делу, то и в этом случае состав организации будет довольно многочислен. В кружок входили: полковник Каховский (кличка — «Молчанов»), полковник Пётр Дехтерёв («Гладкий»), брат его майор Дехтерёв, полковник Пётр Киндяков, брат его поручик Павел Киндяков, капитан Василий Кряжев («Отрубнов»), полковник Иван Бухаров («Бичуринский»), подполковник Алексей Ермолов («Ерошкин»), бригадир Ефимович, полковник Булаин («Мухортов»), полковник Стерлингов, полковник Репнинский, майор Михаил Балк, полковник Михаил Хованский, подполковник Алексей Тутолмин («Росляков»), полковник Тучков («Крючков»), полковник Григорий Сухотин, полковник Михаил Зыбин, майор Гагарин (тоже «Росляков»), майор Потёмкин, капитан Стрелевский («Катон»), капитан Вилев, поручик Огонь Догановский, офицеры Замятин и Ломоносов («Тредьяковский»).

Тесную связь с кружком имело почти всё многочисленное смоленское гнездо Каховских. По показаниям советника Смоленского губернского правления С. О. Шетихина (тоже связанного с кружком), в доме А. В. Каховского часто происходили собрания, где «занимались не картежной игрою да пьянством». На этих собраниях, кроме А. М. Каховского и его товарищей, присутствовали Г. А. Каховский (отец декабриста), Богдан и Иван Каховские. «Особливо, — показывал Шетихин, — все они имели между собою тесную дружбу и частое с Каховским (А. М.), Дехтеревым, Бухаровым и прочими обхождение»¹². Впоследствии все

Каховские, Ермолов, Зыбин, Сомов и многие другие объясняли свои связи с А. М. Каховским лишь родственными отношениями, что было принято во внимание во время следствия.

Видную роль в кружке, кроме А. М. Каховского, играли полковники Дехтерёв, Киндяков, Бухаров, капитан Кряжев и подполковник Ермолов. О каждом из них нужно сказать несколько слов отдельно.

Пётр Степанович Дехтерёв в начале царствования Павла I командовал Петербургским драгунским полком, расквартированным в Смоленске. Шефом этого полка был непродолжительное время генерал-майор Тараканов, который настолько открыто содействовал деятельности членов кружка, что Линденер впоследствии требовал его ареста. Дехтерёв участвовал в нескольких походах и в 1792 г. был награждён Георгиевским крестом. В кружке Дехтерёв был самым «непримиримым» и активным членом; он деятельно занимался вербовкой новых членов, хотя и не всегда имел успех. В письме к А. М. Каховскому от 20 апреля (1797 г.) он пишет: «Плеханов — Бутов слуга; судите, можно ли чаеяться на когонибудь!» Линденер по поводу этого письма сделал пояснение, что Дехтерёв желал «в штаб- и обер-офицеров вселить неудовольствие, но не имея в том успеху, жаловался своим сообщникам на неудачливость»¹³. Однако, несмотря на то, что Дехтерёву не удалось вовлечь в кружок офицеров своего полка, он всё же высказывался за немедленное вооружённое выступление, повидимому, больше рассчитывая на солдат, чем на офицеров. Полковнику Киндякову он писал: «Что мы живем в одной губернии? На что у нас... (слово стёрто, очевидно, «ружья».— Т. С.), на что у нас пушки? На что у нас... (далее целая строчка выскоблена, очевидно, «солдаты».— Т. С.)»¹⁴. Одобрял он и намерение убить Павла I.

Деятельность Дехтерёва раньше других стала известна Тайной экспедиции. В феврале 1798 г. Дехтерёв был арестован и отправлен в Петербург; коменданту Кексгольмской крепости было приказано приготовить для него камеру. На допросе в Тайной экспедиции Дехтерёв категорически отрицал предъявленные ему обвинения в «неблагопристойных рассуждениях и разговорах». В защиту его выступили какие-то влиятельные лица, видимо, по просьбе из Смоленска. Никаких письменных доказательств доносчики не представили. «Поэтому, — пишет Линденер, — и удалось их участникам разные интриги в С. Петербурге для уничтожения дела употребить»¹⁵. Дехтерёв был освобождён и возвращён в Смоленск под надзор губернатора, который систематически посылал в Тайную экспедицию стереотипные донесения с тем, что Дехтерёв живёт то у А. М. Каховского, то в имени М. И. Розенберг и «ни в чем предосудительного не замечен». Так продолжалось до раскрытия всего кружка Каховского.

¹³ Там же, л. 128.

¹⁴ Там же, л. 303.

¹⁵ Там же, л. 117.

¹¹ Там же, л. 162 об.

¹² Там же, л. 24.

Полковник Пётр Киндяков командовал после Дехтерёва тем же драгунским полком. Шефом полка в это время был генерал-майор Белуха, который также покровительствовал кружковцам и не раз говорил офицерам, что, имея связи с Куракиным, Безбородко, Троцинским и другими видными людьми в Петербурге, он всякого, кто осмелится доносить или свидетельствовать против полковника Киндякова, выгонит из полка. Из офицеров полка членами кружка Каховского были майор Балк, по словам Линденера, «вольнодумец во всем пространстве», полковник Сухотин, «имеющий ненавистные мысли против правления», которому «недоставало единого способа ко оказанию своей привязанности к вольности» и для которого «дружба подобных ему вольнодумцев стала необходима», полковник Репнинский, полковник Стерлингов, полковник Хованский, поручик Огонь-Догановский. С остальными офицерами Киндяков проводил в своём доме нечто вроде подготовительной работы, причём совершенно открыто. Часто происходили чтения и обсуждение запрещённых книг. На этих собраниях присутствовали майоры Лермонтов и Миних, капитаны Кураш, Полнобоков и Лукашевич, подпоручики Бережецкий, Радзимовский, Кононов, Глинка и др. «Все сии штаб- и обер-офицеры, — писал Линденер, — соединились однакож в единомыслие с полковником Киндяковым и были им руководимы к разращению и пренебрежению службы, а он сам, быв истинным другом с Каховским и Дехтеревым, следовал точно их мыслям»¹⁶. Линденер так характеризует отношения в полку Киндякова: «Служба не хранилась (по-гачински. — Т. С.), но были паче сущая вольность и братство»¹⁷.

Следует отметить, что подобную работу Киндяков вёл длительное время и что из всего офицерского состава полка нашёлся только один предатель — подполковник Алексей Энгельгардт, но и он выступил только тогда, когда в Смоленск прибыла следственная комиссия.

Дело полковника Ивана Бухарова уничтожено, поэтому дать ему более или менее полную характеристику не представляется возможным, но по всем другим следственным данным видно, что он играл заметную роль в «канальском цехе», где неустанно настаивал на необходимости убить Павла I.

Интересной фигурой является «галерник» капитан Василий Степанович Кряжев. Отпущенный на волю крепостной крестьянин П. И. Панина, он обучался в Московском коммерческом училище и затем служил переводчиком при штабе Прозоровского. В 1791 г. был произведён в первый офицерский чин, в 1797 г. и начале 1798 г. занимал должность адъютанта и управляющего канцелярией смоленского военного губернатора М. М. Философова. Иметь такое лицо в кружке для Каховского было очень важно. В. С. Кряжев по воззрениям был «не Бутов слуга» и даже, пожалуй, считал деятельность кружка недостаточно активной.

Своё письмо к Каховскому от 24 августа 1797 г. он заканчивает цитатой из Вольтера: «Брут, ты спишь, а Рим в оковах»¹⁸. В дальнейшем через Кряжева Каховский собирал всю необходимую информацию как о событиях, так и об интересовавших его лицах. После первого ареста Дехтерёва Кряжев, очевидно, испугался и, оставив армию, перешёл на гражданскую службу, заняв должность казначея на строительстве Кремлёвского арсенала в Москве. К следствию по делу кружка Каховского он всё же был привлечён и, стремясь выгородить себя, давал довольно подробные показания. Он писал, что был «ослеплен» и «крайне развращён в мыслях» Каховским, но «попаятовался» и стремился отдалиться от кружка. В докладной записке Лопухину Линденер охарактеризовал показания Кряжева как «закрывающие в себе открытия всего известного им о Каховском, Дехтереве, Бухарове и протчих и план ими предпринятый к перемене правления»¹⁹. Откровенность, однако, не помогла Кряжеву: он был сослан.

Видным членом кружка являлся брат Каховского (по матери) подполковник А. П. Ермолов, позже известный генерал, «проконсул Кавказа». Несмотря на свой двадцатилетний возраст, Ермолов был участником нескольких военных походов и кавалером двух боевых орденов. В 1794 г. он ходил с Суворовым в Польшу и здесь получил из рук фельдмаршала первый орден — Георгиевский крест; в 1795 г. участвовал в военных действиях австрийской армии против французов в приморских Альпах, а в 1796 г. проделал с армией Зубова весь поход в Закавказье.

В 1797 г. Ермолов служил в 4-м артиллерийском полку, квартировавшем в Смоленске, но в конце того же года получил назначение на должность командира роты 2-го артиллерийского батальона генерала Эйлера и выехал к месту расквартирования роты — в город Несвиж.

Во время службы в Смоленске Ермолов находился в тесной связи с Каховским, был в курсе всех его планов и активно помогал ему в создании и расширении тайной организации. В «канальском цехе» энергичный и остроумный подполковник был, как говорили, «душой общества». Следственные материалы дают скудные сведения о деятельности Ермолова в смоленском кружке, но из переписки, изъятой у арестованных, видно, что он играл там заметную роль. После отъезда Ермолова в Несвиж Каховский, Дехтерёв, Ломоносов, Балк, Ефимович и многие другие писали, что чувствительно ощущают отсутствие «младшего брата Еропкина». Ермолов отвечал остроумными письмами, в которых сообщал о проезде через Несвиж «Бутова», о награждении в результате смотра «одного скота»²⁰. Членов кружка Ермолов называл в письмах только по кличкам.

¹⁸ Там же, № 3269, № 3257, л. 124.

¹⁹ Там же, л. 174.

²⁰ Шефа 2-го артиллерийского батальона генерала Эйлера, которому Ермолов дал кличку «прусская лошадь».

¹⁶ Там же, стр. 247.

¹⁷ Там же, стр. 293.

Хотя об участии Ермолова в кружке было известно, однако письменных доказательств следственная комиссия не имела, и потому его к допросам не потребовали. После обнаружения бумаг Каховского Линденер получил основания для привлечения к следствию и Ермолова. 28 ноября 1797 г. генерал Эйлер арестовал Ермолова и отправил к Линденеру в Калугу. Тем временем «дорогобужское дело» было прекращено, и Ермолов тотчас же по прибытии в Калугу был освобождён. Вскоре после возвращения в Несвиж Ермолов вновь был арестован и 31 декабря 1798 г. отправлен в Петербург. На допросе в Тайной экспедиции Ермолов объяснял связи с Каховским родственными отношениями, а свои «дерзостные письма», которыми располагало следствие, — «безрассудной молодостью и ветренностью». После непродолжительного заключения в Алексеевском рavelине Ермолов 8 января 1799 г. был отправлен в ссылку. Вспоминая позже своё заключение, Ермолов иронически писал: «В рavelине ничего не происходит подобного описанным ужасам инквизиции, но, конечно, многое заимствовано из сего благодетельного и человеколюбивого установления»²¹.

Смоленский кружок оказал сильное влияние на мировоззрение Ермолова. Несмотря на его стремление не отставать от прогрессивного развития общественной мысли, несмотря на изучение им социальных теорий XIX в. вплоть до утопического социализма, Ермолов, в сущности, навсегда остался вольнодумцем, патриотом и либералом конца XVIII века. Именно это имел в виду Грибоедов, называя Ермолова «человеком прошлого века». Характеризуя общественные взгляды Ермолова, А. В. Фитнер заметил, что, «казалось, на него повлияли веяния философии XVIII века»²².

Смоленское дело наложило отпечаток на всю дальнейшую жизнь Ермолова. Оно научило его быть осторожным и скрытым в политических делах, если не сказать двуличным. Так как основанием для его ареста и ссылки послужила обнаруженная у Каховского переписка, Ермолов нарушимо до самой смерти соблюдал правило: не хранить никаких компрометирующих бумаг. По почте он посылал лишь самые безобидные письма, а более ответственную переписку вёл только через доверенных людей. Некоторым своим корреспондентам (отцу, Денису Давыдову и др.) он доверял уничтожение его писем, напоминая лишь об этом, от других же требовал возвращать письма для уничтожения, причём вёл точный учёт отправленных и возвращённых писем. Не избега общения с людьми, политически скомпрометированными, Ермолов всю жизнь держал себя «на грани неприкосновения». Уже в 1830-х гг. Ермолов говорил, намекая на востание декабристов: «Если бы он (Павел I. — Т. С.) не засадил меня в крепость, то я, может быть, давно не существовал бы... С моей бурной кипучей натурой вряд ли бы мне удалось совладать, ес-

ли бы в ранней молодости мне не был дан жестокий урок»²³.

Своих людей кружок имел и в канцелярии смоленского военного губернатора М. М. Философова; это были Тучков (брат полковника Тучкова), Тутолмин и Потапов — адъютанты генерала, на которых можно было вполне положиться. А. В. Каховский в письме к А. М. Каховскому рекомендовал их как «людей отменно хороших».

Кроме смоленских полков, единомышленники, а может быть, и члены кружка Каховского имелись и в других воинских частях. Генерал Линденер в донесении Павлу I доказывал необходимость ареста ряда офицеров в корпусе генерала Розенберга²⁴, ссылаясь на то, что смоленские «заговорщики» имеют связи в Москве, Калуге, Орле, Дорогобуже, Несвиже, Петербурге и других местах. На чём было основано это утверждение Линденера, трудно сказать, так как материалы следствия по так называемому «дорогобужскому делу» не сохранились. Из второй части следствия, т. е. «смоленского дела», видно, однако, что кружок действительно был связан с другими воинскими частями. Хотя из 4-го артиллерийского полка, который в 1797 г. стоял в Смоленске, был арестован один Ермолов, но весьма сомнительно, чтобы в этом полку, а позже в Несвиже Ермолов не имел единомышленников, тем более что этот молодой подполковник, обладавший незаурядным умом и способностью привлекать к себе людей, был в Несвиже уже самостоятельным командиром части.

О связях кружка в различных пунктах Смоленской губернии говорят и какие-то секретные поездки по воинским частям майора Павла Киндякова. Он служил в Петербурге, но, прибыв в полк брата, Петра Киндякова, был отправлен последним в Дорогобуж, Вязьму и другие города, где были расквартированы воинские части. На допросе майор Киндяков показал, что из Петербурга он направлялся в Симбирск и в Смоленск заехал лишь для свидания с братом. Следователи сделали ему замечание, что «свидание» затянулось почти на полгода, однако цели его поездки не выяснили.

Подозрительными казались также приезды офицеров разных воинских частей к Каховскому. Советник Смоленского губернского правления С. О. Шетихин показывал, что к Каховскому приезжали штаб-офицер Бибиков и другие офицеры, которые общались только с Каховским и связанными с ним людьми — Дехтерёвым, Сомовым, Замятинным. Невыясненной осталась также причина, по которой полковник Буланин посылал письма своей падчерице Л. Зыбиной с просьбой отправлять их в Москву в её конвертах.

Хотя к «канальскому цеху» принадлежали только офицеры, Каховский старался всемерно расширить связи и с гражданскими чиновниками смоленской губернской администрации. Назначенный в начале 1798 г.

²¹ РОБил, ф. Пого, 1, № 15/43, л. 2.

²² «Исторический вестник» за 1881 год. Т. 4, стр. 184.

²³ Там же, стр. 153.

²⁴ Генерал А. Г. Розенберг состоял шефом Таврического егерского корпуса.

смоленским губернатором Л. В. Тредьяковский писал Линденеру, что он чувствует себя иностранцем в городе, где все связано между собой и ни от кого нельзя получить верных сведений.

К следствию были привлечены: вице-губернатор И. Ф. Мезенцев, губернский предводитель дворянства Н. Б. Потёмкин, губернский прокурор Х. С. Повала-Швейковский, уездный предводитель дворянства Сомов, председатель уголовного департамента палаты суда и расправы Т. Ф. Повала-Швейковский, советники той же палаты Баландин, Рындин, член губернского правления С. О. Шетихин, ассессор палаты Неклюдов, провиантмейстер Рындин, отставной генерал Страхов²⁵, отставной майор Шуклин и многие другие.

Губернскому предводителю дворянства Н. Б. Потёмкину были поставлены в вину частое общение с Каховским, Дехтерёвым, Киндяковым и Зыбиным («как будто в том непрременной долг состоял»), ходатайство Потёмкина в Петербурге за Каховского при аресте последнего и укрывание офицера Замятина, который, избегая ареста по «дорогобужскому делу», бежал из Вязьмы²⁶ в Смоленск и тайно проживал у Потёмкина.

Уездный предводитель дворянства Сомов обвинялся в том, что имел частое общение с «кружком Каховского, предупредил капитана Стрелевского (управляющего имением Каховского) о предстоящем обыске в имении и при обыске помогал уничтожать и прятать документы Каховского, опечатав лишь неважные бумаги. Хотя Сомов и был арестован, но, по ходатайству Трошинского и Г. Р. Державина, вскоре освобожден.

Генерал Белуха был обвинён в том, что он «протезировал всем важным преступникам» (членам кружка) и после прибытия комиссии Линденера в Смоленск предупреждая заявил офицерам своего полка, что «доказатели и свидетели в полку у него быть не могут». Кроме того, Линденер обвинял его в тайных связях с Каховским и Дехтерёвым, утверждая, что «почти всякую ночь он — Белуха — скрытно ездил к статскому советнику Николеву. Николев же друг Каховскому и Дехтереву». Белуха к следствию не привлекался, хотя эти обвинения были подтверждены несколькими офицерами его полка.

Следственную комиссию весьма интересовала также цель приезда в Смоленск статского советника Сергея Николева, но она так и осталась невыясненной. Губернатор Л. В. Тредьяковский заявил, что Николев приезжал «без видимой цели», советник губернского правления Шетихин показал, что Николев «компанию вошёл с Каховским, с предводителем Сомовым, советником Баландиным, Дехтерёвым, Замятиным». По показанию майора Мишина, после приезда Линденера братья Киндяковы некоторое время жили вместе с Николевым и о чём-

²⁵ Генерал Страхов, бывший начальник артиллерии Смоленского гарнизона, содержался в 1797 г. в крепости; по какому делу, выяснять не удалось.

²⁶ В Вязьме Замятин жил у Грибоедовых — родственников А. С. Грибоедова.

то тайно совещались. Полковник Бороздин утверждал, что Николев тайно, через сад, ходил к дому, в котором сидел арестованный полковник Бухаров, и через окно о чём-то с ним разговаривал.

Привлекают также внимание приобщённые к делу письма княгини Анны Дашковой из Полоцка и Киева к В. С. Кряжеву. Они написаны условным языком. Весьма трудно сказать, что означают упоминаемые в них «кошельки», «мешки», «кошёлки», «аптеки» и пр., но одно несомненно, что Дашкова была полностью в курсе смоленских дел. В письме из Полоцка (в первой половине 1798 г.) она писала Кряжеву: «Напрасно вздумал меня страшить Бутovým; ты знаешь, что я не из трусих. Неловко, полно, что там (в Петербурге.— Т. С.) знают про вашу галеру. Маскарады ваша хотя и забавны, но и ваша милость для меня престланная маска в кошёлке». Возможно, что это письмо служило предупреждением о доносе, поступившем в Тайную экспедицию от генерал-майора Шепелёва.

Замешанным оказался даже чиновник Тайной экспедиции надворный советник Фукс. Свидетель Троеборский сообщил Линденеру, что Фукс с секретарём приходили к нему и уговаривали изменить свои показания в пользу арестованных, а когда он отказался, прибегли к угрозам. Линденер и до того несколько раз писал Куракину и Лопухину, что Фукс стремится затормозить следствие.

В письмах А. В. Каховского к А. М. Каховскому дана положительная характеристика также правителя канцелярии князя Куракина — М. М. Сперанскому и Пшеничному, здесь же А. В. Каховский сообщил, что от них он получал нужные сведения²⁷.

Следует указать, что Линденер весь «смоленский заговор» считал делом рук Платона и Валерьяна Зубовых. Однако доказательств он никаких обнаружить не мог, кроме найденных у Дехтерёва двух золотых табакерок с портретами Зубовых. Весьма вероятно, что Зубовы действительно знали о кружке Каховского в Смоленске и, возможно, даже стремились использовать его в своих целях, но несомненно также и то, что Каховский начал свою деятельность вполне самостоятельно, да и цели офицеров из бедных дворян, а иногда и «низших» сословий вряд ли могли совпадать с планами Зубовых.

Как уже говорилось, в следственных материалах нет даже намёка на существование каких-либо программных документов кружка. Впрочем, следственная комиссия и не стремилась выяснить мировоззрение его членов и их отношение к существующему строю. Всё внимание было обращено на планы цареубийства. Вопрос об отношении кружка к личности Павла I проходит красной нитью через всё следственное дело. Линденер прежде всего констатировал, что ненависть членов кружка к Павлу была «беспричинной», т. е. не вызывалась какой-либо личной обидой. «Каховский,— писал он,— и прочие его сообщники в зловерном

плане сотовариществующие, не имея ни малейшей причины, еще с самого начала вступления государя императора на престол, питали ненависть к высочайшей особе е. и. в...»²⁸. Позже, в конце следствия, он сделал такие выводы: «Из сего позволено заключить, что злоба сего в Смоленичах пребывающего общества противу государя есть явна и ничем отречена быть не может... Они совещали государю смерть, а сие ясно доказывает, что они злое намерение имели и к произведению его в действие не доставало единого случая»²⁹.

Конечно, нельзя отрицать несомненное наличие в смоленском кружке террористических настроений. Выше уже указывалось, что полковник Бухаров считал убийство Павла I главной задачей кружка. В этом вопросе его поддерживали и другие, а майор Потёмкин заявил, что готов лично произвести покушение на Павла. На расходы по организации покушения Каховский соглашался отдать всё своё имение³⁰. Однако было бы ошибочным ограничить цели кружка намерением убить Павла I, точно так же как нельзя цели декабристских организаций свести к плану царевубийства, хотя, по материалам следствия, этот вопрос и там выдвинут на первый план.

Во-первых, для осуществления покушения на Павла I вполне достаточно было «галерников» и не было никакой необходимости в разветвлённой организации, распространяющей своё влияние на полки, штабы и многие учреждения гражданского ведомства. Однако именно к этому и стремились Каховский и его товарищи. Во-вторых, бросается в глаза противоречивость в выводах Линденера. С одной стороны, характеризует отдельных участников, он называет их «вольнодумцами», «якобинцами», «приверженцами вольности» и т. д., а с другой — сводит цели всей организации к замыслу убийства Павла I. В-третьих, вся переписка, изъятая у руководителей кружка, говорит, что цели организации они представляли себе гораздо шире. Достаточно вспомнить уже цитированные письма полковника Дехтерёва к Князикову, Кряжева и Дехтерёва к Каховскому и др.

Наконец, вся деятельность организации не подтверждает вывода Линденера, будто единственной её целью было покушение на царя. Не для покушения Каховский занялся заготовкой боеприпасов (у него было найдено 6 пудов пороха), а скорее для того, чтобы обеспечить солдат зарядами до того времени, пока им удастся захватить какой-либо арсенал.

Хотя смоленской организации и не удалось проявить себя в открытом антиправительственном выступлении, в сохранившейся части следственных материалов имеются сведения, дающие представление о деятельности кружка.

Прежде всего «галерники» добивались расширения кружка. Среди членов организации велась своего рода просветительная работа: читались произведения материали-

стов и энциклопедистов XVIII в., проводились беседы, в которых положение в России сопоставлялось с передовыми теориями общественного устройства. Наконец, некоторые данные заставляют думать, что кружок готовился и к непосредственным действиям против правительства.

Расширение организации осуществлялось путём изучения политических настроений лиц, интересовавшихся членам кружка. В частности, старались установить связи с лицами, замешанными в каких-либо проступках, выступлениях, высказываниях антиправительственного характера. Таким лицам члены кружка оказывали всемерное содействие, а на доносчиков — «сверчков» и «клопов», как называл их полковник Дехтерёв, — не стеснялись возводить даже ложные обвинения. Именно Дехтерёв и предложил эту тактику, которая, по свидетельству Линденера, была принята не только в смоленском кружке, но и в Петербурге и других местах. В своей записке «Экстракт с важными примечаниями» Линденер писал: «Начало презрительной цели принято от протекции Дехтеревои с коюю имеюще связь и помощники, те кои в С. Петербурге, а по них и в прочих местах. Правило же плана их было фальшиво филантропическое: 1. нигде с преступниками, а паче иных по знатности не поступать строго, но даже и не обнаруживать, 2. а паче чаяния и придет к следствию, сделав маловажным, отвевд разными незаконными способами, а еще и угрозами, свидетельства, — скрыть, злодея обратить невинным, а невинность за усердие к своему государю довести под бесчестие и наказание, в надежде чего видно, что реченная шайка, по плану сему действуя смело, усилилась»³¹.

Линденер, безусловно, сгущает краски, считая этот метод вербовки сочувствующих главным и, пожалуй, единственным. Хотя и нет оснований полностью отвергнуть мнение Линденера, надо указать, что главным методом вовлечения новых лиц в тайную организацию были частные беседы, проводившиеся «галерниками» с соприкасавшимися с ними людьми.

Поскольку следственные материалы по «дорогобужскому делу» уничтожены, мы не имеем возможности осветить характер собраний в имении М. И. Розенберг. В одном из донесений из Смоленска Линденер лишь упоминает о том, что «Дехтерев, Каховские, Князиков, Немчинов, Балк и прочие сборища имели в селе Котлине». Об одном из собраний у Каховского рассказывал майор Потёмкин: весной 1798 г., после освобождения Дехтерёва из Тайной экспедиции и возвращения его в Смоленск, на «галере» состоялось празднество, после которого Каховский с Дехтерёвым о чём-то совещались, выйдя из комнаты, а затем стали читать вслух «Смерть Цезаря» Вольтера и «злобу свою изъяснили чтением вышеозначенной трагедии». Во время чтения Каховский заметил: «Если б этак нашего!»³². Надо отметить, что эта аналогия была распространена не только в смолен-

²⁸ Там же, л. 182.

²⁹ Там же, л. 302.

³⁰ См. там же, л. 301.

³¹ Там же, л. 120.

³² Там же, л. 301.

ском кружке. Заговорщики в Петербурге назначили убийство Павла тоже на день смерти Цезаря — 15 марта, и только раскрытие заговора заставило их выступить раньше.

О собраниях в доме Киндякова имеются более подробные сведения. О них Линденер писал: «Вольные, или паче сказать, дерзкие рассуждения о правлении, о налогах, о военной строгости и об образе правления... таковые суждения произносились были при полковых офицерах. Чтение публичное в своей квартире запрещенных книг, как-то Гельвеция, Монтескье, «натуральную систему» (Гольбаха.— Т. С.) и прочие таковые книги, разражающие слабые умы и поселяющие дух вольности, хваля французскую республику, их правление, и вольности. И все сие чтение и истолкование было при офицерах... Он (Киндяков.— Т. С.) явно в образец другим [сделал] объявление желания своего ехать во Францию»³³.

О собраниях у А. В. Каховского имеются лишь указания, что собирались там «не для торжеств и не для праздного проведения времени».

Кроме публичных чтений, члены кружка вне своей организации часто беседовали с офицерами, причём все политические события и новости использовались ими в одном направлении: мероприятия и действия правительства подвергались критике и осуждению. «Все, что бы от всемилостивейшего государя ни последовало, обращали критико...» — писал Линденер.

Одной из форм такой антиправительственной агитации было распространение различных слухов о событиях, как действительно имевших место, так и явно преувеличенных или даже выдуманных. Кряжев сообщал членам кружка, а те рассказывали всем, кто разжалован в рядовые, кто арестован, кто уволен от службы и т. д. Говорили, что крепость Шпандау переполнена, что туда привозят арестантов сразу в 10—15 кибитках, что уволенных в отставку «помещают в оклад», что французская эмигрантская армия принца Кондэ принимается на русскую службу, причём рядовые производятся в офицеры, а офицеры повышаются в минах и т. п.³⁴ Эти сведения и слухи непрерывно волновали общество, держали его в напряжении и помогали членам кружка открыто говорить о необходимости борьбы с павловским режимом.

Члены кружка распространяли также карикатуры, какие-то «дерзновенные изречения», написанные Каховским, стихи и песни. Карикатуры рисовал полковник Бухаров. Полковник Дехтерёв вырезал карикатуру на Павла I на рукоятке своей палки. Кроме того, в бумагах Кряжева были найдены какие-то карикатуры из иностранных газет. Песни и стихи писал майор Гагарин³⁵. К сожалению, ни одной карикатуры, песни или другого подобного документа не сохранилось.

³³ Там же, л. 298.

³⁴ Там же, л. 123.

³⁵ В показаниях Кряжева сказано, что стихотворения Гагарина под названием «Литовский трубадур» были кем-то изданы.

Больше года пользовались успехом представления крестьянина Никифора Ерофеича Медведевского, изображавшего в карикатурном виде Павла I. По показаниям подполковника Энгельгардта, «Ерофеич» привёз с собой генерал Тараканов. Полковник Дехтерёв, заметив в нём некоторое сходство с Павлом I, научил его подражать движениям и характерным жестам царя, а также некоторым шаржированным приёмам обучения войск «по-гатчински», придумал ему соответствующий наряд и приказал давать представления в местах собраний офицеров. С этих пор «Ерофеич» стал называть себя «Бутовым из Гатчины». На этих представлениях перебивали почти все офицеры полка Киндякова и других воинских частей, а также многие гражданские чиновники. На допросе Медведевский заявил, что представления давал в том виде, в каком учил его Дехтерёв, и что за эти представления Дехтерёв и Тараканов ему платили. Кроме того, Медведевский показал, что от Тараканова он перешёл к Лярскому, а затем к Баратынским и везде веселил публику, «производя всегда и во все времена такого же рода шутки, как при Тараканове и Дехтерёве»³⁶.

Следует отметить, что члены кружка пытались и перед народом заявлять о своём отрицательном отношении к существующему порядку. Линденер доносил, что Медведевский по наущению Дехтерёва в шутовском костюме изображал Павла I и «шталался по кабакам и в черни». Майор Миних показывал, что Дехтерёв брал «Ерофеича» на разводы караулов и не препятствовал, когда тот потешал народ в присутствии солдат. К народу пробовали обращаться непосредственно и сами члены кружка. На основе показаний Кряжева Линденер доносил, что Каховский рассказывал крестьянину-вознице «об умножающихся налогах и учтеннях и что при нынешнем правлении будто против прежнего народ отягощен...» Заканчивая изложение этого факта, Линденер отмечает: «Так может быть и многие подобно возмущаемы были, что и Кряжев подтвердит»³⁷. Однако в Тайной экспедиции Кряжева повторно по этому поводу не допрашивали.

Смоленский кружок существовал почти два года, и, конечно, деятельность его была более значительна, чем это можно установить по немногим сохранившимся документам. Расцвет его деятельности относится к 1797 г., но уже с начала 1798 г. начались преследования, и потому Каховский и его товарищи стали действовать более осторожно. Некоторые члены кружка предлагали даже вообще прекратить деятельность организации. Ломоносов писал Кряжеву в июне 1798 г.: «Оставим прошлое; в настоящем и будущем будем сохранять исправность»³⁸. О том, что работа организации в 1798 г. пошла на убыль, показывал на допросе и член губернского правления С. О. Шетихин³⁹. Это же засвидетельствовал и сам

³⁶ Там же, л. 249.

³⁷ Там же, л. 182.

³⁸ Там же, л. 193.

³⁹ Там же, л. 24.

Линденер, который в своём «Экстракте с важных примечаниями» писал, что дальнейшее развитие деятельности смоленского кружка было «предварено и ослаблено» выведением воинских частей из Смоленска, созданием дорогобужской следственной комиссии, удалением из Петербурга покровителей смоленского кружка и сменой смоленских гражданских и военных начальников⁴⁰.

Простое перечисление мероприятий, проведённых правительством в связи со «смоленским делом», показывает, какое большое значение придавало оно смоленской организации. Об этом же говорит и жестокая расправа с участниками кружка.

Возвращение Дехтерёва из Тайной экспедиции весной 1798 г. вновь несколько оживило «галеру», снова возродилась надежда на возможность продолжать деятельность организации. Однако торжество «галерников» было преждевременным. Не прошло и месяца после возвращения Дехтерёва, как в Петербурге был получен новый донос о деятельности Каховского, Дехтерёва, Киндякова и их кружка в Дорогобуже. В июне 1798 г. в Дорогобуж прибыла следственная комиссия под председательством Линденера. Комиссия вела следствие в течение пяти месяцев. По «дорогобужскому делу» Каховский, Дехтерёв, Киндяков и многие другие были арестованы и посажены в крепость или сосланы в Сибирь, но большинство привлечённых к дознанию было освобождено ввиду отсутствия письменных доказательств. Бумаги Киндякова и Дехтерёва были сожжены в имении М. И. Розенберг, где они хранились вместе с их вещами. Только в ноябре 1798 г. Линденер догадался послать адъютанта Кононова и предводителя дворянства Дорогобужского уезда Овруцкого для обыска в имении Котлине. Посланные вернулись ни с чем, сообщив, что «племянник Розенбергиши Киндяков... изжег у нее в доме многие бумаги»⁴¹.

Обыск в имении Каховского был поручен его родственнику и участнику собраний «галерников» Сомову, который предварительно оповестил об этом управляющего имением Каховского капитана Стрелевского, активного участника организации. Затем, явившись в Смоленичи, они со Стрелевским некоторые бумаги сожгли, а остальные спрятали в подполье, заделали в дымовую трубу и зарыли в закрое с горюхом. В этих местах они были найдены при повторном обыске. Много бумаг Сомов забрал с собой: одну часть их он положил в мешок и тут же, в присутствии Стрелевского, опечатал, другую — в ларец, который, однако, опечатан не был. Заехав сначала в своё имение, Сомов взял с собой ларец с бумагами Каховского, а затем уже доставил опечатанный мешок в канцелярию губернатора. Тем или иным путём уничтожили свои бумаги и другие участники организации.

Не дремали и в Петербурге. Стремлению Линденера выявить всю организацию «от

Калуги до Литовской границы, — как писал он, — и от Орла до Петербурга» — кем-то оказывалось явное противодействие. Линденер объяснял всё «интригами сумнительного господина Фукса», но, кажется, он просто не осмеливался назвать более важных лиц.

Так как нити связей «дорогобужского дела» вели в губернский центр, Линденер 13 ноября 1798 г. прибыл в Смоленск, где подполковник Энгельгардт подал ему донос на Каховского, Дехтерёва, Киндякова, Белуху и многих других. В Смоленске Линденер вызвал своими действиями сильный переполох. Он потребовал к допросу вице-губернатора, губернского предводителя дворянства, губернского прокурора, генерал-провиантмейстера и многих других гражданских и военных чиновников. Полковник Бороздин, майор Миних, майор Лермонтов, поручик Бережецкий, адъютант Радазимовский подтвердили донос Энгельгардта и дополнительно сообщили, что генерал Белуха угрожает им изгнанием из полка, если они будут свидетельствовать против Киндякова. Капитан Егор Болтин показывал, что генерал Белуха заявил однажды: «Доказатели и свидетели — дело мерзкое и... таковые должны идти вон из полка». Одновременно (очевидно, получив какие-то сведения) Линденер послал в имение Каховского для повторного обыска офицера, которому действительно удалось разыскать многие письма к Каховскому, подписанные условными именами. На основе этих бумаг Линденер арестовал бригадира Ефимовича, послал распоряжение в Москву об аресте Кряжева и в Невский — об аресте Ермолова и доставке их для допроса в Калугу, где он собирался заняться расследованием связей местного гарнизона со смоленским кружком. Павлу I он писал о необходимости арестовать генерала Тараканова.

В тот же день, когда Линденер отдавал свои грозные предписания, из Петербурга было отправлено Линденеру «высочайшее повеление» следствие по «дорогобужскому делу» прекратить, арестованных освободить и все документы следствия уничтожить. Получив это распоряжение 28 ноября, Линденер, хотя и с некоторой затяжкой, выполнил его и 7 декабря донёс Лопухину, что «бумаги по тому делу имеющиеся истреблены». Ермолов, Кряжев, Ефимович и другие были освобождены из-под ареста.

Линденер выполнил «повеление» буквально, то есть уничтожил документы, относившиеся к следствию в Дорогобуже⁴², но целиком сохранил все смоленские бумаги, хотя «смоленское дело» являлось продолжением

⁴² Возможно, что Линденер уничтожил не все бумаги, относившиеся к «дорогобужскому делу». После смерти Линденера его внук рассказывал о большом количестве «любопытных бумаг, оставшихся после деда» (Центральный государственный исторический архив в Москве, ф. 1463, № 1165. В дальнейшем ЦГИАМ). Сохранились ли эти бумаги до настоящего времени, неизвестно. Последние годы своей жизни Линденер провёл в своих имениях в Орловской и Курской губерниях.

⁴⁰ См. там же. л. 121.

⁴¹ Там же, л. 204.

«дорогобужского». Опираясь на бумаги, найденные в имении Каховского, и довольно подробные показания Кряжева, Линденер затеял новое дело, добиваясь расследования всех связей смоленской организации, требуя, в частности, расправы с генералом Белухой, на которого подполковник Энгельгардт подал Линденеру жалобу. В этом новом своём доносе Энгельгардт писал, что Белуха приказал ему, как своему подчинённому, при сношениях с другими лицами, в том числе и с Линденером, писать только «по команде», т. е. через его, Белухи, канцелярию.

Вновь были арестованы Ермолов, Кряжев и др. Арестован был и уездный предводитель дворянства Сомов. Линденер произвёл весьма подробное расследование об участии Сомова в истреблении бумаг Каховского и допросил ряд лиц по поводу «представлений шута» Медведевского. В своих донесениях в Петербург Линденер обещал дальнейшие открытия, но жаловался, что «правосудие обижено чрез г. Фукса». Однако Лопухин в письме от 28 декабря 1798 г. отверг все обвинения, выдвинутые против Фукса, и попутно сделал строгое замечание Линденеру по поводу неправильного оформления представляемых им бумаг. В докладной записке Павлу I 17 января 1799 г. Лопухин писал, что Линденер высказывает лишь гадательные предположения о существовании единомышленников Каховского и никаких доказательств этого не представляет. О бумагах, найденных у Каховского, Лопухин писал, что в них «вновь ничего не оказалось». Для завершения дела о смоленской организации Лопухиним был послан тот же Фукс, а Линденеру было приказано прекратить следствие и все бумаги по этому делу представить генерал-прокурору.

Как видно, петербургские «протекторы» одолели Линденера. Так и не удалось ему расследовать все нити связей смоленской организации. Но защитить кружок «протекторы» не могли, а возможно, и не хотели. Смоленский кружок был разгромлен. Были лишены чинов и дворянства и бессрочно заточены: полковник Каховский — в Динамундскую крепость, полковник Бухаров — в Кексольскую и майор Потёмкин — в Шлиссельбургскую. На вечное поселение были сосланы: полковник Киндяков — в Олёмкинск, полковник Стерлингов — в Иркутскую губернию, полковник Дехтерёв — в Томск, поручик Киндяков — в Тобольск, майор Балк — в Ишим, капитан Кряжев — в Спасо-Прилуцкий монастырь Вологодской губернии, подполковник Ермолов — в Кострому, полковник Хованский — в Белоруссию, полковник Репнинский — в Калужскую губернию, капитан Стрелевский — в город Глухов, полковник Сухотин — в Тульскую губернию, полковник Зыбин и капитан Виляев — в Саратовскую губернию. Поручик Огонь-Догановский был предан военному суду по совокупности с другим проступком, майор Иван Каховский уволен из армии с правом занимать гражданские должности. «Верный канальскому цеху» Тутолмин почему-то был не только освобождён, но даже возвращён в полк на службу. О решении дел других «галерни-

ков» — Буланина, Тучкова, Ломоносова, Гагарина — никаких сведений следственные материалы не сохранили; очевидно, ко времени отзыва Линденера следствие по их делам не было закончено. Из гражданских чиновников арестовывался только Сомов. Другие, в том числе А. В. Каховский и Г. А. Каховский, репрессиям не подвергались⁴³.

Надо указать, что сохранившиеся следственные материалы не дают полного представления о количестве арестованных и репрессированных по делу о кружке Каховского. Так, например, поручики Спасибов и Успенский не упоминаются в числе арестованных и привлекавшихся к допросам, однако в Рукописном отделе библиотеки Зимнего дворца сохранилось письмо Линденера к смоленскому губернатору Тредьяковскому от 20 ноября 1798 г., в котором он пишет: «Поручики Спасибов и Успенский освобождены из-под караула», и требует, чтобы они «не имели ни с кем и никакого сношения [со] здешними жителями»⁴⁴. Требование Линденера, правда, не совсем ясно сформулированное, показывает, что эти офицеры хотя и были освобождены, но полностью реабилитированными не считались.

После переворота 11 марта 1801 г. все репрессированные по «смоленскому делу» были освобождены.

Из членов смоленского кружка оставил мемуары лишь один Ермолов. В своих «Записках» он обвинял Линденера в неэффективности и старании взвести на членов кружка вымышленные обвинения. Сохранившиеся следственные материалы этого не подтверждают. О самом Ермолове Линденер писал Лопухину: «Он действительно принадлежит к шайке Каховского, Дехтерева и прочих, что из многих оригинальных писем прежде препровождаемых и ныне доставленных усмотреть изволите»⁴⁵. Не имея письменных доказательств, никаких других обвинений против Ермолова Линденер не выдвигал. То же можно сказать и в отношении других членов кружка. Обвинения, выдвинутые против Сухотина, Стерлингова, Репнинского, Виляева, Хованского, Линденер даже старался смягчить, заявляя, что речи их были «пустословием», «без умыслу» и что они ими лишь «старались угодить своему полковому командиру»⁴⁶. Когда полковник Зыбин сам принёс свои бумаги в комиссию и дал подписку, что никаких других документов не хранит, Линденер лишь на основе этого заявления донёс Лопухину, что бумаг, подтверждающих связи Зыбина с Каховским и Дехтерёвым, не найдено⁴⁷.

Общественное движение конца XVIII в. обычно характеризуется в основном деятельностью Радищева и Новикова. Конечно,

⁴³ См. там же. № 3257, лл. 365—370 и №№ 3266, 3269, 3263, 3245, 3248, 3250, 3219.

⁴⁴ ЦГИАМ, ф. 726, № 494, л. 1.

⁴⁵ Там же, № 3257, л. 179.

⁴⁶ Там же, лл. 293—294.

⁴⁷ См. там же, № 3263.

они являются центральными фигурами этого движения (хотя и различных направлений), но более широкое движение передового дворянства того времени, безусловно имевшее место, полностью ещё не освещено. Об этом говорит не только «смоленское дело», но и многие другие документы. Имеются сведения о том, что тайное общество, подобное Смоленскому, существовало в то же время в Архангельске. Невыясненными остаются также некоторые вопросы, связанные с деятельностью Радищева и Кречетова, не изучены дело казнённого полковника Грузинова, дело пропавшего без вести после ареста капитан-лейтенанта Акимова, таинственное исчезновение на длительное время И. А. Крылова. Много неясных вопросов как в самом «смоленском деле», так и в заговоре конца 1800 — начала 1801 года.

Переворот 1801 г. принципиально отличается от серии дворцовых переворотов XVIII века. Он явился результатом стремлений и действий не единичных людей, а организации, которая выражала настроения более широких слоёв дворянства и городского населения, о чём убедительно свидетельствует радость, с которой было повсеместно принято известие об убийстве Павла I.

В основе заговора конца 1800 — начала 1801 г. лежало движение сопротивления террористическому режиму Павла I. Однако это движение не имело организованных форм и потому могло быть использовано теми элементами из верхов, которые прикнули к лагерю «недовольных». Именно так получилось в 1801 году. Сговор Н. П. Панина с П. А. Паленом и братьями Zubовыми о необходимости энергичных действий для свержения с престола Павла I очень скоро превратился в тайную организацию, охватившую множество военных и гражданских чинов. По свидетельству А. Коцебу, в неё входило около 60 активных участников и более тысячи «приверженцев»⁴⁸. Здесь кстати будет сказать, что утверждение многих историков, будто переворот 1801 г. был организован английским послом Витвортом, не обосновано. Конечно, Витворт желал свержения с престола Павла I и намекал об этом Панину и другим видным русским сановникам, однако заговор был создан без его участия. Витворт был выслан из Петербурга в мае 1800 г., а начало заговора относится только к осени этого года.

Заговорщики, как и весь лагерь «недовольных», не представляли единого политического течения. Во-первых, среди заговорщиков были сторонники республиканского образа правления, например полковник Измайловского полка Николай Иванович Бибиков, который на совещании у генерала Талызина вечером 11 марта, где присутствовало около 40 человек, требовал уничтожения всей царской фамилии⁴⁹. Во-вторых, в число заговорщиков входили различных толков конституционалисты, стремившиеся к ограничению самодержавия и

реорганизации русской монархии на твёрдой правовой основе. Они рассчитывали после переворота заставить нового царя «даровать» конституцию; проекты конституции имели Н. П. Панин, П. А. Пален, Г. Р. Державин, П. А. Зубов и др. Введение к проекту Н. П. Панина было написано ещё в 1780-х годах Д. И. Фонвизиным и Н. И. Паниным⁵⁰. В-третьих, к заговорщикам присоединились сторонники абсолютной монархии, стремившиеся лишь к замене самодержца или достижению личных корыстных целей.

Общезвестно, что заговорщиков поддерживала вся гвардия. Хотя Павел I предусмотрительно смешал гвардейские части со своими «гатчинскими» войсками, в ночь на 12 марта все гвардейские полки явились к Михайловскому замку. Первым прибыл Семёновский полк, офицеры и солдаты которого были более подготовлены к выступлению. Позже всех, преодолев некоторые колебания, явился и Преображенский полк. Цель заговора солдатам заранее не сообщалась, и только во время движения к Михайловскому замку и на площади офицерам было приказано ходить по рядам солдат и разъяснять смысл выступления. Некоторые офицеры, однако, и до этого вели работу среди солдат и тем добились их активного участия в перевороте. Солдаты батальона капитана А. И. Талызина (Измайловский полк), зарядив ружья, собрались открыть стрельбу по окнам дворца, но были остановлены руководителями заговора⁵¹. Именно крики солдат во дворце замка и на площади заставили заговорщиков скорее покончить с Павлом⁵².

Как только ближайшая задача заговорщиков была решена и Павла I не стало, они сразу же распались на ряд враждующих между собой течений. Часть солдат (Конная гвардия) отказалась принимать присягу Александру I, ссылаясь на то, что она не верит в смерть Павла I. Следует думать, что солдаты ожидали от переворота некоторого облегчения своей участи. Правда, присягу они в конце концов всё же приняли, но унтер-офицер Григорий Иванов при этом сказал: «Хоть он (Александр I.— Т. С.) и не будет лучше, но так или иначе, кто ни поп, тот и батька...»⁵³.

⁵⁰ Это введение в несколько изменённом виде распространяя в 1820-х годах Никита Муравьёв.

⁵¹ См. ЦГИАМ, ф. 978, № 22, л. 154; Vigée le Brun. Souvenirs. T. III, p. 32. Paris. 1869. Helledorf. Aus dem Leben der Prinzen Eugen von Württemberg. I. S. 140. Berlin. 1861.

⁵² В ночь на 12 марта были закрыты все заставы и произведены многочисленные аресты. Арестованы были комендант Михайловского замка Котлубицкий, обер-гофмаршал Нарышкин, генерал-прокурор Обольянинов, генерал Аракчеев, командир Измайловского полка Малютин, генерал Кологривов и другие.

⁵³ ЦГИАМ, ф. 978, № 22, л. 221; «Из записок Н. А. Саблукова». «Русский архив». Т. 12 за 1869 г., стр. 1943—1944.

⁴⁸ ЦГИАМ, ф. 978, № 22, л. 138.

⁴⁹ См. там же. л. 139.

Молодой царь, ранее обещавший не только конституцию, но даже чуть ли не республику, сразу же стал на сторону монархистов-абсолютистов. Конституционалисты и мечтавшие о республике должны были умолкнуть. Гораздо позже Никита Муравьев в примечаниях к «Разбору донесения следственной комиссии» писал: «В 1801 году гр. Никита Петрович Панин и граф Пален хотели водворить конституцию. Из заговорщиков желавшие только перемены государя и посягнувшие на его жизнь были награждены, искавшие прочного устройства — удалены на век»⁵⁴

Таким образом, в основе и отчасти в целях смоленской организации и заговорщиков 1801 г. было много общего. Однако по составу и идеологии кружок Каховского нельзя отождествлять с петербургским за-

говором. Смоленских «якобинцов» скорее можно назвать предшественниками декабристов.

Самым фактом своего существования смоленская организация подтверждает то положение, что декабризм не был выражением чужих теорий и идеологий, импортированных в Россию после походов в Западную Европу 1813—1815 годов. Декабристское движение явилось логическим продолжением и развитием общественного движения в России конца XVIII и начала XIX века. Об этом же говорит и тот факт, что так называемое «смоленское гнездо декабристов» территориально и по фамилиям в значительной степени совпадает с составом смоленской организации конца XVIII века.

Советская историческая наука добилась больших успехов в изучении общественного движения декабристской поры, но период от Радищева до декабристов ещё требует дальнейших и более глубоких исследований.

⁵⁴ Там же, ф. 1153, л. 34.